Антифашистская деятельность брата и сестры Прегель в годы Второй мировой войны

В. Хазан
Иерусалим, Израиль, Еврейский университет
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Antifascist Activities of the Pregel Family During the World War II

V. Khazan
Jerusalem, Israil, Jewish University
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

София Юльевна (Юделевна) и Борис Юльевич (Юделевич) Прегель родились в Одессе в семье купца второй гильдии Юлия (Юделя) Владимировича (Вульфовича) Прегеля (?–1939) и пианистки и певицы Розы (Рухли) Иосифовны (урожд. Глазер; 1872–1944). Брат — 24 января (5 февраля) 1893 г., сестра — 20 декабря 1896 г. (1 января 1897 г.)[1].

Сдав в 1907 г. экзамен, Соня Прегель поступила во второй класс частной женской гимназии Л.Д. Чудновской, жены известного революционера-народника С.Л. Чудновского. Ее первые стихи печатались, как она сама вспоминала впоследствии, в самодельном гимназическом журнале. По окончании в 1913 г. с серебряной медалью гимназии София Прегель поступила в Одесскую театральную студию и даже полтора года состояла в труппе местного театра, появляясь на сцене в эпизодических ролях. 8 августа 1916 г. она подала прошение в Петроградскую консерваторию Императорского музыкального общества, прошла предусмотренные законом испытания «для оценки музыкальных способностей желающих поступить в Консерваторию евреев», была зачислена и в течение года училась по классу пения. Правда, первая попытка, предпринятая на полтора года раньше, в январе 1915 г., завершилась неудачей. Почему тогда поступление не состоялось, нам неизвестно.

Петроградские пейзажи отразятся в стихах Прегель лишь через много лет: четыре ее стихотворения — «Петербург», «В шапке лицо низ-

[1] Государственный архив Одесской области (Одесский городской раввинат). Ф. 39. Оп. 35. Д. 79 (запись № 1860).

колобо…» (оба — сб. «Солнечный произвол», 1937), «Пиковая дама» (сб. «Берега», 1953), «Улицы праздной пенное мыло…» (сб. «Весна в Париже», 1966) — будут так или иначе связаны с бывшей российской столицей и пронизаны ностальгическим чувством того, что

Не повторится здесь никогда —

В полдень на Невском жаркое лето,
Желтых небес тяжелая ткань,
Тени домов, и дома-скелелеты,
И доцветающая герань.
[Прегель, 1966, с. 15][2]

Апрельский номер редактировавшегося Прегель журнала «Новоселье» за 1943 г. (об этом журнале речь пойдет ниже), т.е. в тяжелейшие дни ленинградской блокады, был полностью посвящен «приневской столице»; в открывающей его редакционной заметке говорилось: «Настоящий номер “Новоселья“ посвящен Петербургу-Ленинграду, городу, сотворенному Петром, ставшему в XIX веке хранителем и воплощением русской культуры и являющемуся ныне символом героизма и величия русского народа в его борьбе за свободу и независимость родины. В образе Петербурга-Ленинграда соединяются все лучшие традиции нашего прошлого, все муки и сила духа настоящего, все упования на светлое будущее»[3].

Возвращаясь в предреволюционную Одессу, следует сказать, что в ее литературной жизни Прегель ничем себя не проявила, хотя, как выяснилось впоследствии, по городу детства и юности была знакома с некоторыми литераторами, добившимися с течением лет читательского успеха, а то и вовсе приобретшими на родине широкую писательскую славу — с Л.В. Никулиным например[4], — его имени мы ниже еще коснемся.

[2] Очень похоже, что в образе неповторимого Петербурга имеется отзвук известного стихотворения Г. Адамовича «Что там было? Ширь закатов блеклых…» (1928):

Тысяча пройдет, не повторится,
Не вернется это никогда.
На земле была одна столица,
Все другое — просто города.

[3] Новоселье. 1943. № 2. Апрель. С. 3. В этот номер было включено два прегельских стихотворения, связанных с Петербургом-Ленинградом: упомянутая «Пиковая дама» и не перепечатывавшееся в дальнейшем и не вошедшее ни в один из ее сборников «За Ленинград».

[4] См. также в его письме к С. Прегель от 27 февраля 1963 г.: «Недавно Вас тепло вспоминал поэт Борис Бобович — бытописатель Одессы» («Ваше письмо… меня очень тронуло» [Хазан, 2015, с. 427]).

Беллетризованных фантазий на тему истории жизни Софии Юльевны существует более чем достаточно. Полет воображения «прегелистов», как не без иронической усмешки назвал будущих биографов поэтессы Г. Адамович, порой просто головокружителен.

«Юная певица Сонечка Прегель два года делала битковые сборы в Одесском театре, — пишет, рассказывая о ее юности, Е.А. Евтушенко, — а затем с блеском сдала экзамены и была принята в Петербургскую консерваторию. У нее был такой дивный голос, что ей сулили сногсшибательную карьеру, обещали, что она увидит весь мир, что он будет лежать у ее ног. Она подумала и отказалась. Она увидела мир, но не для того, чтобы покорить, а чтобы понять его и помочь тем, кто нуждается в помощи. По-моему, понять и помочь — это больше, чем покорить. А арию своей жизни она спела» [Евтушенко].

Едва ли существует сколько-нибудь достоверный источник, на который опираются слова известного российского поэта о битком набитых залах Одесского театра, когда в афише значилось имя Софии Юльевны, и о том, что «ей сулили сногсшибательную карьеру» певицы, — сказано это, полагаем, больше для красного словца: актерские и вокальные достижения Прегель были более чем скромными, но вот об арии, которую она исполнила на подмостках своей жизни, в самом деле пришла пора поговорить серьезно. Тем более что, используя терапиановскую стихотворную строчку, «бесстрастная повесть изгнанья» Софии Прегель не написана, и потому ничто не препятствует затверженному повторению старых и беззаботному рождению новых ошибок и заблуждений или их легко доверчивому тиражированию. Впрочем, даже если портрет Прегель пишется по относительно верной биографической канве, при его создании нередко используется такое обилие сентиментально-сусальных тонов и красок, что достоверные пропорции начинают невольно зыбиться и смещаться, и их место занимают твердые, но сомнительно-облагороженные агиографические линии. Объективная картина как бы подменяется выплатой запоздалой благодарности той, которая в полной мере не дождалась ее при жизни, — явление, в определенном смысле естественное и как восстановление исторической справедливости, пожалуй, даже оправданное, но крайне опасное, если его интенсивно разрабатывать вширь и вглубь, подменяя историческую истину наслоенными друг на друга мифами, не говоря уже об утомительном самом по себе курении фимиама. Как сама Прегель однажды заметила о своем старшем товарище по творческому цеху Иване Бунине, с которым состояла в добрых отношениях: в творящейся легенде его жизни «правда переплеталась с невинным и подчас ненужным вымыслом» [Прегель, 1973, с. 352].

После большевистского переворота София Юльевна оставила Петроград и поспешила на юг, в родную Одессу, где встретила Гражданскую войну. Вместе со всей семьей в апреле 1919 г. на пароходе «Кавказ», отплывшем от одесских берегов[5], Прегель покинула Россию[6].

Незадолго до отплытия из России ее старший брат Борис женился на дочери известного адвоката О.О. Грузенберга Софии Оскаровне (1892–1932), поэтому семья Прегель, отплывшая на «Кавказе», насчитывала к тому времени семь человек: отец, мать, София Юльевна, двое младших — сестра Клара (1902–1969)[7] и брат Александр (1907–1998) — и Борис с женой. Первой их долгосрочной остановкой на чужбине стал Константинополь, в котором Прегели прожили более трех лет. В письме Софии Юльевны, датированном 4 июля 1922 г. и адресованном одесской приятельнице Л.Н. Лившиц[8], она так описывала свой константинопольский «привал»: «О себе писать, в сущности, нечего. Живу я у Бори и С<офьи> О<скаровны>. Они занимают хороший дом (чудесный). И, слава Богу, живем мы не как все русские, не «на толкучке», не в самой гуще. Район прекрасный вроде нашей Маразлиевской. <…> День у меня еще не распределен. Пока есть оправдание. Вчера была с Рикой <Рейер, подруга Прегель> в Эюбе. Это место вы знаете по Клод Фарреру. Город-кладбище. Видела и покрывало пророка, и священного барана, и голубей. Там уже настоящий Восток. Даже по-французски ни-ни, приходится объясняться мимикой»[9].

Борис Юльевич, со свойственной его характеру предприимчивостью, в отличие от многих российских эмигрантов, растерявшихся в новых

[5] О формировании списков гражданского населения, эвакуировавшегося на этом пароходе, см.: [Хазан 2008, с. 449] (здесь упомянуто имя брата Софии Юльевны — Бориса, однако из ее «автобиографии», написанной от 3-го лица и сохранившейся в семейном архиве, вытекает, что она отплыла из России на том же пароходе; см. также во вступительной заметке к ее мемуарной трилогии «Мое детство»: «…революция вскоре прервала карьеру молодой певицы, и она с семьей выехала за границу» [Прегель, 1973а, с. 5]).

[6] Называемые в качестве ее отъезда в эмиграцию 1922 г. (см.: [КЛЭ, т. 5, стб. 956] (автор статьи — П.Л. Вайншенкер, с которой Прегель, хотя и заочно, была знакома); Прегель, 1973, с. 352]; повторение этого «факта» см., напр.: [Ledkovsky, 1994, p. 519 (автор статьи P. Couvée); [Письма, 2003, с. 380; Батшев, 2008, с. 204; Резникова, 2012, с. 260] или 1921 г. [Реувени, 1973, с. 78; Российское зарубежье во Франции, т. 2, 2010, с. 526]) являются ошибочными.

[7] Клара Юльевна (в замуж. Каган) серьезно заболела еще в юношеском возрасте; в зрелые годы она стала предметом неустанных забот Софии Юльевны: ее недуг перешел в болезнь Паркинсона.

[8] *Лившиц* Людмила Николаевна (урожд. Верцнер; 1901 <1904>–1965) — одесская приятельница Прегель, жена журналиста и издательского работника Исаака Леопольдовича Лившица (1892–1978), одного из ближайших друзей И.Э. Бабеля (Людмила Николаевна, в свою очередь, была подругой сестры Бабеля Мери); наиболее полный корпус писем Бабеля Лившицам см.: [Бабель, 2007].

[9] Государственный литературный музей (Москва). Ф. 477. Оп. 1. Д. 66.

для них условиях существования, усугублявшихся бытом и обычаями причудливо-экзотичного Востока, о котором они до этого знали только из книжек, проявил максимум сообразительности и энергии и стал компаньоном Торгового дома В. Гиммельфарб и Б. Прегель, имевшего агентства, как было сказано в рекламе, «во всех портах Черного моря». Торговый дом предоставлял разнообразные услуги, касавшиеся прежде всего погрузки и перевозки тяжелого багажа беженцев, его страховки, хранения в складских помещениях и пр., и тем самым, не безвозмездно, разумеется, вносил хоть какой-то порядок в эмигрантский хаос. Константинопольская контора В. Гиммельфарба и Б. Прегеля располагалась по адресу: Меркез-Рихтим Хан, №№ 8, 9, 11 и 36.

Мы не располагаем достоверными данными, в какую из европейских стран после Константинополя отправился Борис Юльевич с женой. Так, например, Р. Босвел (R. Bothwell), автор книги о канадской компании «Eldorado», занимавшейся добычей урановой руды, в которой Прегель со временем займет одно из видных мест, утверждает, что тот бежал из России во Францию через Румынию [Bothwell, 1984, p. 73]. Если это не обычная ошибка, характерная практически для всех жизнеописаний Прегелей, то есть основание предположить, что во Францию Борис Юльевич попал не непосредственно из Константинополя, а на какое-то время задержался в Румынии.

Как бы то ни было, после Константинополя географические пути сестры и брата Прегелей временно разошлись — в начале 20-х гг. София Юльевна оказалась в Берлине, «мачехе российских городов» (В. Ходасевич), куда, как мы убедились, она попала, вопреки утверждению некоторых авторов, не прямым путем из Одессы [Зернова, 1994, с. 54], а кружным. Принадлежа к тем, чье творческое формирование началось еще в России, но окончательно завершилось уже в изгнании, С. Прегель составляла тот поколенческий круг, для описания драматической судьбы которого использовались разные определения — от сложившегося в предыдущем историческом опыте «потерянного»[10] до «незамеченного», запущенного в обиход известной книгой В. Варшавского, мгновенно прижившегося и превратившегося в устойчивый термин.

В Берлине С. Прегель провела около 10 лет. Она стала членом возникшего в феврале 1928 г. берлинского Кружка, или Клуба поэтов, который кроме нее составляли: Я. Бикерман, Р. Блох, Н. Белоцветов, Н. Бродская, Б. Бродский, М. Горлин, Ю. Джанумов, В. Ирецкий, Е. Канак (урожд. Залкинд; псевд. Аленина), В. Лурье, А. Павлович, В. Пиотровский, Г. Ра-

[10] См. использование этого термина («lost generation») в отношении молодых писателей и поэтов, беженцев из России, в статье: [Iswolsky, 1946, p. 71].

евский (Оцуп), Е. Раич (Рабинович), В. Франк, Н. Эльяшев, В. Эрден и др. [см. о нем: Канак, 1971, с. 9; Канак, 1981, с. 363–366; Канак, 1992, с. 151; Burchard, 2001; Urban, 2003, s. 212–225]; секретарем клуба и его душой стал поэт и ученый-филолог М. Горлин.

Наряду с чтением своих стихотворений на вечерах, устраиваемых Клубом поэтов[11], Прегель принимала участие во всех трех выпусках коллективных поэтических сборников: «Новоселье» (Берлин: Петрополис, 1931; здесь были напечатаны четыре ее стихотворения: «Не по дороге безотрадной…», «День сегодня сырой и матросский…», «В небесном пологе весна…» и «Сползает полночи покров…»), «Роще» (Берлин: Слово, 1932 — «Вошла задумчиво, нежданно…», «Город маленький, марципановый…», «Деревьев рыжую кайму…», «Певучий многоцветный говор…», «Еще высокая трава…») и в последнем, произведшем на его парижского рецензента Л. Червинскую «определенно-безрадостное» впечатление[12], «Неводе» (Берлин: Слово, 1933 — «Снова в детство бреду наудачу…», «Тогда еще смеялась без причины…», «Был выдох труб такой короткий…», «Гудит толпа на галерее…», «Распевали весной канавки…»). Глубокого следа в сознании читающей публики и критики прегельские тексты, как видно, не оставляли, и мнение Н. Оцупа, отреагировавшего на первый из сборников указанием на то, что «милы отдельные строчки у С. Прегель и П. <sic> Эльяшова»[13], было, вероятно, достаточно общим и распространенным. Правда, в следующем выпуске «Чисел» их редактор отнесся к ее стихам с бóльшим интересом, отметив как заслуживающий внимания факт стремление поэтессы «не осложнять стихов, не перегружать их трудной темой. В ее незамысловатых, но чистых строфах зато свободно проявляет лирическое дарование».

И в качестве иллюстрации такового приводил последнюю строфу из стихотворения «Еще высокая трава…» [Оцуп, 1932, с. 142].

Скорее всего, с этим временем связано посвященное ей Е. Раичем (Рабиновичем) стихотворение «Я помню пышные чертоги…», а вовсе не с той эпохой, когда много лет спустя в парижском издательстве «Рифма», которым руководила Прегель, вышел его сборник «Современник» (1965) [Куксин, 2012, с. 250].

Заветы берлинского поэтического братства останутся для Софии Юльевны священными навсегда. Это проявится, в частности, в том, что

[11] См., к примеру, ее участие в литературных вечерах, состоявшихся в 1933 г. в Русском институте германоведения — соответственно: в марте [Белоцветов, 2006, с. 31] и 28 июня [Chronik, 1999, s. 455].

[12] Числа. 1933. № 9. С. 227.

[13] Там же. 1931. № 5. С. 230 (правильно: Н. Эльяшов).

многие годы спустя главным образом именно по инициативе Прегель увидят свет две книги ее друзей — Михаила Горлина и его жены Раисы Блох, погибших в годы Второй мировой войны: в 1957 г. сборник их филологических статей «Études littéraires et historiques» (P.: Institute d'Études slaves; Bibliothéque russe de Institute d'Études slaves. T. 30), предисловие к которому написал известный французский славист А. Мазон (книга была украшена репродукциями авторских портретов, принадлежавших кисти художницы и поэтессы Н. Бродской, одного из членов берлинского Клуба поэтов), а в 1959 г. — «Избранные стихотворения» (Париж: Рифма), включающие поэтические тексты обоих.

В 1932 г. Прегель перебралась в Париж[14]. Печаталась в «Современных записках», «Числах», «Круге». В 1935, 1937 и 1939 гг. увидели свет три книги ее стихов — соответственно: «Разговор с памятью» (издательство «Числа»), «Солнечный произвол» (издательство «Современные записки») и «Полдень» («Дом книги» и «Современные записки»). Все они были встречены в целом одобрительной критикой, и имя Прегель стало широко известно в литературном мире российской диаспоры. В июне 1940 г. ввиду приближения немцев к Парижу София Юльевна эмигрировала в США.

О том, как складывались первые годы жизни Бориса Прегеля в столице Франции, сохранилось не так много сведений. Известно, что в браке с упомянутой выше С.О. Грузенберг у него в 1925 г. родилась дочь Нелли (в будущем замужестве Кривицкая), а в 1932 г. Софьи Оскаровны не стало[15]. В 1937 г. он вторым браком женился на художнице Александре Николаевне Цетлиной (урожд. Авксентьевой; в 1-м браке Болотовой; 1907–1984), дочери общественного деятеля М.С. Тумаркиной и одного из видных эсеровских лидеров Н.Д. Авксентьева (после того как М.С. Тумаркина вышла замуж за поэта, беллетриста, издателя, литературного критика, общественного деятеля и мецената М.О. Цетлина, девочка была им удочерена). По косвенным данным, опирающимся в основном на результаты более поздней деятельности Б. Прегеля, можно заключить, что в 20-х гг. он влился в ряды французского научного сообщества, которое как раз в это время переживало смену поколений и нуждалось в притоке

[14] А не в 1938 г., как об этом говорится в материалах к биобиблиографическому словарю В. Батшева «Писатели русской эмиграции: Германия 1921–2008» (С. 204). Нахождение Прегель в Париже задолго до этого зафиксировано, помимо прочего, в письме В. Набокова жене от 14 ноября 1932 г. [Nabokov, 2014, p. 220] или в «Камер-фурьеском журнале» В. Ходасевича (запись от 22 сентября 1933 г.) [Ходасевич, 2002, с. 222].

[15] О крайне непростых отношениях, возникших после смерти С.О. Грузенберг-Прегель между Б.Ю. Прегелем и его тестем, адвокатом О.О. Грузенбергом, см. в переписке последнего с редакторами журнала «Современные записки»: [Грузенберг, 2013] (по указ.).

новой крови, включая область лабораторных экспериментов с радиоактивными веществами [Weart, 1979; Kowarski, 1948]. Прегель с самого начала зарекомендовал себя не только как талантливый ученый-физик, но и как грамотный и искусный предприниматель: в 20–30-х гг. он становится главным торговым агентом международной фирмы Union Minière, которая, с одной стороны, занималась добычей урановой руды в Бельгийском Конго, а с другой — была связана с различными институциями и лабораториями по ее обработке и научным исследованиям во Франции, Англии и США. Совмещая в себе обе эти ипостаси — делового человека и ученого, обладавшего необходимыми познаниями в области ядерной физики, Прегель, судя по всему, уже в эти годы хорошо представлял, к чему могут привести (и неизбежно приведут) открытие X-rays и эксперименты, связанные с ядерной реакцией. Близко его знавший В.А. Залкинд, который в 50-х гг. являлся советником по науке при представительстве Израиля в ООН и в посольствах Израиля в США и Канаде[16], в частном письме следующим образом характеризовал деятельность Прегеля, относящуюся к началу 40-х гг.: «При случае рассказу вам подробнее то, чем Б<орис> Ю<льевич> в свое время поделился. Это — совершенно фантастическая история — и если бы Б<орису> Ю<льевичу> не удалось сделать в 1942 году то, что он сделал, то все говорило бы за то, что Гитлер сделал бы первым, в руках у которого была бы атомная бомба. Вы себе представляете, что бы стало тогда со всем миром?»[17]

Не стоит, по всей видимости, преувеличивать научного веса Прегеля как ученого-атомщика как в теоретическом, так и в экспериментальном отношении (здесь его роль, безусловно, была достаточно скромная), однако в том, что мир подошел к созданию атомной бомбы, вне всякого сомнения, сказалась его непосредственная роль и участие. Не случайно, как пишет упоминавшийся выше Р. Босвел, М. Склодовская-Кюри, хорошо знавшая Прегеля, следующим образом отзывалась о нем: «Всякий может иметь дело с радием, но лишь один человек умеет продать его: Борис Прегель» [Bothwell, 1984, p. 73].

Наряду с урановым делом Прегель, живя во Франции, занимался добычей шпата — материала, используемого в области протезирования искусственных зубов. Эта сторона его бизнеса, как видно, продолжала оставаться актуальной и после Второй мировой войны, хотя постепенно интерес Бориса Юльевича к шпату и участие в его производстве идут на

[16] Имя Виктора Александровича Залкинда (1895–1986) было введено в историко-культурный обиход Л. Флейшманом в связи с ремизовской «Кукхой», см.: [Флейшман 1977, с. 185–193; Хазан 2004].

[17] The State Archives of Israel (Jerusalem). V. Zalkind Coll. F. 1510/24-f.

убыль. Ср. в письме Софии Юльевны А. Бахраху от 15 мая 1952 г.: «Но Борино дело во Франции — здоровое. Он только скорбит, что в данное время никто им серьезно не занимается. Жить на две страны он не в состоянии физически, да и нервов не хватает»[18].

По ходяче-бытующему стереотипу, проникшему даже на страницы энциклопедических изданий, выходит, что к началу Второй мировой войны Борис Юльевич давно обжился и пустил корни в США. Так, автор статьи о Софии Юльевне в «Литературной энциклопедии русского зарубежья» М.А. Айвазян пишет: «Заняв с самого начала, не без помощи брата-физика в Нью-Йорке, обеспеченное положение в эмиграции и со временем утвердившись в нем, П<регель> объединяла и мирила противоборствующие лит<ературные> стороны» [ЛЭРЗ, 1997, с. 324].

Оставляя на совести автора этого патетического фрагмента мысль о Софии Прегель как эмигрантском третейском судье, каковым она вряд ли себя считала и уж в точности не являлась, обратим внимание на то, что ее «обеспеченному положению» главным образом способствует нью-йорский «брат-физик». Судя по всему, образ и местонахождение последнего навеяны автору туманным местом в мемуарах К. Померанцева о том, что «ей <Софии Юльевне> помогал ее состоятельный брат Б.Ю. Прегель, у которого были какие-то крупные дела в США» [Померанцев, 1986, с. 71]. Не говоря уже об общем инфантильном духе, который демонстрируют такого рода мемуарные свидетельства, а за ними и биографические статьи, следует заметить, что в Нью-Йорк Прегели — сестра и брат — попали одновременно, спасаясь от нацистов, оккупировавших в 1940 г. Париж, и, стало быть, Борис Юльевич находился в США не «с самого начала». Заметим также, что его парижская квартира на 18, rue Auguste Vacquerie была разграблена немцами, которые, помимо прочего, вывезли из нее картины Александры Николаевны[19].

Перебравшись в США, Борис Юльевич стал одной из ключевых фигур в Eldorado Gold Mines Ltd. — крупнейшей американо-канадской компании по поиску и разработке урановых месторождений, добыче, обработке и продаже урановой руды. В ноябре 1940 г. он подписывает с компанией контракт и становится ее главным торговым агентом. Созданная Прегелем торгово-промышленная фирма International Uranium Mining Company, которую он основал и возглавил (их с Софией Юльевной младший брат Александр занял в ней должность вице-президента), со временем оказалась поставщиком очищенного урана для Манхэттенского

[18] BAR. Alexander Bacherac Papers. Box 8.

[19] См. об этом на сайте Cultural Plunder by the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg: Database of Art Objects at the Jeu Paume (URL: http://www.errproject.org/jeudepaume/).

проекта по созданию американской атомной бомбы [Rhodes, 1986]. В политических кругах, отвечавших за разработку атомного оружия, Прегель получил прозвище «the uranium king» [Rhodes, 1986, p. 140].

Попав в Америку вместе с братом и не желая оставаться в стороне от трагических процессов, происходивших в мире в годы Второй мировой войны, София Юльевна с февраля 1942 г. начинает издавать журнал «Новоселье», просуществовавший в течение восьми лет, до 1950 г. Издание «Новоселья» было тесно связано с ее общественной деятельностью как члена совета директоров American-Russian Cultural Association (ARCA) — организации, созданной в 1942 г. с целью развития культурных контактов между двумя мировыми державами, США и Россией, которые способствовали бы их борьбе с общим врагом — фашизмом. В создании ассоциации принимали участие такие известные фигуры, как Э. Хемингуэй, Ч. Чаплин, Р. Кент, С. Кусевицкий и др.; ее почетным президентом стал Н. Рерих[20]. Небольшой очерк Н. Рериха «Подвиг», в котором он рассуждал о смысле этого слова и понятия, был опубликован в пятой книжке «Новоселья» за июнь — июль 1942 г., посвященной годовщине нападения Германии на Советский Союз. В переводе на английский язык этот очерк был приобщен к «Annual Report» о деятельности ARCA за 1943 г., в котором относительно С. Прегель, в частности, отмечалось: «The special Christmas-New Year's issue of "Novosselye", under the auspices of the Association in cooperation with its editor, Mrs. Sophie Pregel, a member of ARCA's Board of Directors, was one the most significant of those projects. The idea was an ambitious one to present between the covers of one issue of the Russian Literature Monthly a symposium on American cultural life from the pens of leading Americans in the fields of literature, poetry, current history and economics, art, music and science. It was felt that, while some aspects of Russian culture are not new to America, or offer no difficulty of presentation, modern Russia has not had adequate opportunity to realize the true scope of American culture»[21].

[20] В совет директоров входил также близкий к «Новоселью» известный литературный критик, публицист, историк литературы, общественный деятель М.Л. Слоним.

[21] Перевод: «Специальный новогодний выпуск "Новоселья", подготовленный совместными усилиями Ассоциации <т.е. ARCA> и редактора, г-жи Софии Прегель, члена совета директоров, был одним из наиболее значительных среди этих проектов <имеются в виду проекты, связанные с интеракцией американо-русских культурных отношений>. Идея заключалась в том, чтобы представить под обложкой русского литературного ежемесячника антологию американской культурной жизни, о которой свидетельствовали бы ведущие деятели США в области литературы, поэзии, современной истории, экономики, искусства, музыки и науки. Мы исходили из ощущения, что в то время, как в американской среде ряд сторон русской культуры достаточно известны или не предполагают какой-либо трудности для их презентации, совре-

Речь идет о 9/10-й книжке «Новоселья» за январь 1943 г., в редакционной заметке к которой (продублированной по-английски) говорилось о том, что она посвящена «обзору американской жизни и культуры. Материал для этого обзора был собран Американо-русской культурной ассоциацией (АРКА), и предлагаемый выпуск журнала составлен в сотрудничестве с нею». Содержание «предлагаемого выпуска журнала» было следующим:

М.К. Роулингс. По течению <рассказ> (пер. К. Кротковой). С. 5–22

Э.Л. Мастерс. Дети света <стихи> (пер. М. Железнова). С. 23.

Д.К. Фишер. Нам живым… <рассказ> (пер. К. Кротковой). С. 24–28.

Г.Л. Менкен. Дни гигантов <рассказ> (пер. М. Железнова). С. 29–34.

Р. Мэккенни. Финансовые гении <рассказ> (пер. М. Железнова). С. 35–40.

Э. Синклер. Корень всех зол <очерк о Гитлере> (пер. В. Дудко). С. 41–44.

А. Креймборг. Советскому Союзу <стихи> (вольный пер. С. Прегель). С. 45–46.

А. Комптон. Ученые и война. С. 47–48.

Ч.А. Бэрд. Возникновение демократической идеи. С. 49–56.

Р. Кент. Искусство и война. С. 57–59.

Л. Стоковский. Американская музыка. С. 60–63.

Г.А. Оверстрит. Американская демократия (пер. В. Дудко). С. 64–66.

Р.Г. Габриэль. Происхождение американской промышленной цивилизации. С. 67–75.

Г.Д. Уайльд. Идеи и факты в американской литературе <литературно-критическая статья; названы имена следующих американских писателей: Ш. Андерсона, У. Уитмена, М. Твена, Г. Адамса и др.> (пер. В. Дудко). С. 76–80.

Р.Г. Хэм. Знаменательная дата в американском образовании <речь идет о том, что «армия и флот издали распоряжение, согласно которому колледжи на все времена войны становятся военными и морскими академиями»>. С. 81–84.

Э. Клэйпсеттл. Американский парадокс <очерк о всемирно известном медицинском центре-клинике Майо в городке Рочестер, шт. Миннесота>. С. 85–91.

Ч.Г. Грэй. Прогрессивное движение в американском воспитании. С. 92–95.

менная Россия не имеет адекватной возможности представить истинные масштабы американской культуры».

<Б.п.> ARCA — American Russian Cultural Association, Inc. <информация на английском языке, принадлежащая, по-видимому, самой Прегель>. С. 96–98.

Со времен этого совместного журнально-издательского проекта в круг знакомств Софии Юльевны вошла американская творческая элита — писатели, журналисты, художественные и литературные критики, издатели, живописцы, музыканты, известные общественные деятели и пр. Так, например, она близко сошлась с популярной в те годы американской писательницей Фанни Хёрст (Fannie Hurst), о которой некоторое время спустя упоминала в письме А. Бахраху от 31 марта 1952 г.: «Ужинаю сегодня с Fanny Hurst — неплохая писательница… Она не слишком *натуральна*, но шарм в ней есть, так же как и довольно-таки осязаемые остатки былой красоты»[22].

Следует сказать, что после Второй мировой войны, вместе со смертью Н. Рериха в 1947 г. деятельность ARCA пошла на убыль, а затем, в условиях наступившей холодной войны, и вовсе угасла. Однако определенную роль в консолидации антифашистских сил она сыграла, и журнал «Новоселье», возникновение которого органично и неразрывно связано с идейной атмосферой мировой антифашистской борьбы, нужно рассматривать именно в этом историческом контексте.

Журнал просуществовал восемь с лишним лет. Первая книжка вышла в феврале 1942 г.[23], последние две — строенные номера 39/41 за 1949 г. и 42/44 за 1950 г. — увидели свет в Париже, куда София Юльевна вернулась осенью 1948 г. В течение 1942 г. вышло десять номеров журнала, после чего, начиная с февраля — марта 1943 г., он приобрел сквозную нумерацию. Таким образом, в общей сложности из печати вышли 54, а не 44 номера, как это можно заключить из некоторых библиографических описаний [см., напр.: Сводный каталог, 1999, с. 132].

С окончанием войны и установлением регулярной почтовой связи между Европой и США на страницах «Новоселья» постоянно появляются имена крупнейших русских писателей-эмигрантов: И. Бунина, А. Ремизова, Н. Тэффи… После переезда Прегель из Нью-Йорка в Париж она удостоилась стать членом ремизовской Великой и Вольной Обезьяньей Палаты — «Кавалером обезьяньего знака I степени с усиками душистого горошка — цвет синий» [Обатнина, 2001, с. 355].

---

[22] BAR. Alexander Bacherac Papers. Box 8.

[23] А. Седых в некрологе «Памяти Софии Прегель», очевидно, машинально отнес появление «Новоселья», в котором сам же принимал участие, к началу 60-х гг. (Новое русское слово. 1972. № 22692. 30 июля. С. 3).

«Новоселье», по словам сотрудничавшего в нем М. Слонима, заняло «твердую оборонческую позицию» [Слоним, 1973, с. 5]. Советофильство Прегель в значительной мере основывалось на подъеме патриотических чувств и российской национальной идентификации, которые с невиданной силой пробудила у эмигрантов Вторая мировая война[24]. В сознании «новоселов» складывалась картина послевоенного мира, в которой доминировала вера в то, что победа над фашизмом должна привести к гуманизации самих победителей. Прегель, вне всякого сомнения, была одной из тех, кто — с теми или иными оговорками — верил в этот «сладостный обман». Отрезвляясь с годами от наивной веры в ложные кумиры, связанные советским миражом, в который заставила поверить война, Прегель неизменно оставалась одним из самых непримиримых ненавистников нацизма и его пособников, даже тех коллаборационистов, кому были прощены грехи времен оккупации. Так, по свидетельству К. Померанцева, она, страстная поклонница музыки, не посещала концертов, в которых принимал участие австрийский дирижер Г. фон Караян, любимец Геринга и Геббельса, как член Национал-социалистической партии, сотрудничавший с фашистами [Померанцев, 1986, с. 71].

Журнал «Новоселье» попадал в Советский Союз по линии ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей). Вспоминая об этом времени годы спустя, Прегель в письме к советскому литературоведу П.В. Вячеславову от 5 июля 1961 г. сообщала: «Я посылала в Сов<етский> Союз от 50 до 200 ном<еров> “Новоселья”. Некоторые обсуждались писателями в ВОКСе» [Прегель, 2000, с. 158].

По линии ВОКСа Прегель корреспондировала с советской поэтессой В.М. Инбер, отправив на ее суд тетрадку своих стихов, хотя являлась в то время далеко уже не начинающей поэтессой: ей было около 50 лет, она издала три поэтических сборника, которые вызвали в целом положительную реакцию ведущих критиков эмиграции — М. Цетлина, В. Ходасевича, Г. Адамовича и др. Титул редактора и издателя журнала, в котором печатались многие деятели литературы, искусства и науки с мировыми именами — от Г. Манна[25] до Ю. Тувима, от Э. Синклера до

[24] Разумеется, «Новоселье» не владело монополией на советский патриотизм; тексты, пронизанные сходными чувствами, появлялись и в других русскоязычных изданиях, выходивших в свет в США в это время. Так, напечатанный в «Новоселье» очерк Вл. Лебедева «Партизания!» <sic> о партизанской войне в Советском Союзе (1942. № 7. Сент. — окт. С. 64–76) в буквальном смысле перекликается с рассказом анонимного автора «Русские партизаны», опубликованным в печатном органе Общества русских братств в Соединенных Штатах Северной Америки «Американско-русском календаре на год 1943» (сост. И. Гр. Дзвончик; Филадельфия, 1942. С. 24–27).

[25] С Г. Манном Прегель имела любовный роман, отразившийся в их переписке, которая отложилась в ее бумагах в Illinois University и в его архивном собрании в University of Southern

Ж. Маритена, от С. Кусевицкого до Р. Якобсона — и в котором из номера в номер появлялись ее стихи, тоже, наверное, должен был способствовать повышению самооценки и ощущению места, занимаемого в табели литературных рангов. Тем не менее Прегель страстно стремилась выявить отношение к своим стихам кого-то из представителей советского литературного истэблишмента. Нам видится в этом, помимо по-своему естественного любопытства узнать, что о твоей творческой работе думают на родине, проявление сугубо политической позиции у патриотически настроенной части эмиграции: подчеркнуть в борьбе с общим врагом доминирующую, «учительскую» роль советской стороны.

Начальное письмо Прегель к Инбер не сохранилось, но по ответу последней его можно легко реконструировать: оно, по всей видимости, было коротким и носило характер просьбы познакомиться с прилагаемыми стихами, которые были опубликованы в годы войны в «Новоселье» (в значительной своей части) и в «Новом журнале». Основную массу этих стихов, родившихся на волне эмоционально-патриотического подъема, вряд ли можно отнести к поэтическим удачам Прегель — обнаженная публицистичность, образная незамысловатость, навязчивая патетика в целом ряде из них берут верх над художественной оригинальностью и самобытностью, тем, что характеризует ее лучшие вещи. Поэтому с замечаниями, сделанными Инбер, в большинстве своем трудно не согласиться — не случайно, за исключением четырех стихотворений — «Колыбельная», «Страна моя», «Гурзуф» и «Эта Америка», — вошедших впоследствии в сборник Прегель «Берега» (Париж, 1953), никакое другое из разбираемых советской поэтессой ее стихотворений она в свои книжные собрания не включала.

Итак, в ответ на просьбу оценить стихи, написанные «в другом полушарии», Инбер 5 ноября 1944 г. писала:

> Уважаемая София Прегель! (не зная Вашего отчества, вынуждена обратиться к Вам именно так).
>
> Мне была передана ВОКС'ом тетрадка Ваших стихов, которые я прочла с большим вниманием и подлинным удовольствием.
>
> Помимо их чисто литературных качеств, самый факт писания русских стихов в другом полушарии взволновал меня, поэта.

California. См. публикацию некоторых писем Г. Манна к Прегель: [Пустильник, 1999, с. 41]; перепеч.: Ex libris: Еженедельное приложение к «Независимой газете». 2005. 23 июня. № 22 (324). С. 3. В мемуарах К. Померанцева содержится вводящая в заблуждение информация, будто бы Прегель состояла в переписке с Томасом Манном [Померанцев, 1986, с. 72]. Эту ошибку повторяет М.А. Айвазян: ссылаясь на архив Прегель «со слуха» или «со вторых рук», он утверждает, путая немецких братьев-писателей, что в нем «хранится обширная переписка» Прегель с Томасом Манном» [ЛЭРЗ, 1997, с. 324].

Ваши вещи интересны по замыслу и полноценны с точки зрения языка. У Вас очень хорошее чувство природы, притом природы русской.

Вы, вероятно, пишете давно. Здесь чувствуется уверенная рука, свободное поэтическое дыхание.

При всем том в Ваших стихах есть целые строчки и отдельные эпитеты, с которыми трудно согласиться. Перенумеровав Ваши вещи, я начну по порядку.

I. Вызывает возражение «веселый призыв партизан». Так ли уж это «весело»? Быть партизаном — дело серьезное, смертельно-опасное. «В темной мести до неба винтовка»… Винтовку держат обычно на уровне головы врага. Поднятая до неба, она теряет смысл. «Бешеный стяг» — тоже неточно[26].

II. «Вороная прядь» на лбу рыбака — нехороша. Так говорят о лошади. Уже лучше «смоляная». «Зов прибоя был бестолков» — пустая строчка. В ней ничего нет. Вся 5-я строфа этого стихотворения — нарочита, с притянутой рифмой[27].

---

[26] Речь идет о стихотворении «Партизанская», опубликованном в «Новоселье» (1942. № 5. Июнь — июль. С. 20–21); в качестве неудачных мест Инбер обращает внимание на следующие строфы:

А веселый призыв неустанный,
Словно влагу впитает земля.
Уходите в поля, партизаны,
Уходите в седые поля!

<…>

Все убиты мужья и золовки,
Все младенцы и все старики,
В темной мести до неба винтовка
В твердых пальцах мужицкой руки.

И растет этот гнев долгожданный,
И сверкает, как бешеный стяг:
Уходите на бой, партизаны,
До зари уходите в овраг!

[27] Говорится о стихотворении «Песня о рыбаке» (Новоселье. 1942. № 6. Авг. С. 16–17):

На песке, где стынущие травы
Прятались в прибоя полумрак,
Умирал рыбак из Балаклавы,
Босоногий, бронзовый рыбак.

III. «Оголтелая тьма» — очень непохожа на суровую, сосредоточенную темноту осажденного Ленинграда. В рефрене — слишком отчетлив Блок. «В чуйке рабочий»… не носят рабочие сейчас чуек. У них ватные куртки или кожанки. Опять «веселые танкисты». Нет, война не весела. И даже про победу не скажешь «веселая». Слишком дорого она стоит[28].

Дул с восхода ветер до заката,
Разносил прохладную смолу.
Мальчиком ходил сюда когда-то
Продавать бычки и камбалу.

Серые глаза смотрели жестко
Из-под боевого козырька…
Черноморский, загорелый, хлесткий,
Будет ли земля тебе легка?

Стройный якорь в синих струйках дыма
Помутнел, и грудь твоя нема.
В Севастополь ты пришел родимый
Защищать курганы и дома,

И сады, и тополя, и пристань,
И заплаты смуглых парусов
От снарядов медленного свиста,
От чугунных страшных голосов.

Ты упал, и длинный луч был светел,
И последний долог перезвон,
Ниже, ниже опускались сети,
Глубже, глубже уходили в сон.

Смыли волны крупный пот кровавый,
Расчесали вороную прядь
И оставили для вечной славы
Рыбака из белой Балаклавы
На песке холодном умирать.

[28] Инбер разбирает стихотворение «За Ленинград» (Новоселье. 1943. № 2. Апр. С. 17–19):

Все застыло во тьме оголтелой,
Все снаряды, сердца и штыки —
Только злобой пружинилось тело,
Только ненависть била в виски:

Винтовка-подруга,
Холодный приклад,
По снежному лугу
Ни шагу назад.

Винтовка-подруга,
Мы в стужу и град,
Мы в дымную вьюгу
Спасем Ленинград.

Как настойчивый ветер сердито
На заре фонарями гудит,
На панели ребенок убитый
Кулачок прижимает к груди.

И платок на спине не завязан,
Видно, мама в сугроб прилегла,
На щеке застывают алмазы,
А глаза голубее стекла.

Длинные ночи,
Выстрелов вой,
В чуйке рабочий,
Друг-часовой,
В зимние ночи
Ни шагу назад,
В чуйке рабочий,
Спасешь Ленинград.

Эти жесткие пальцы усердно
Серый ковшик носили с водой,
Свет лежит на сестре милосердной,
На ее одежонке худой.

Сердце немеет,
В сердце ножи,
Красноармеец
Мертвый лежит.
Мертвый, в канаве,
Выстрелам рад,
Слышит он, к славе
Идет Ленинград.

Вольный ветер вздувает каналы,
На Неве под мостами кипит,
Если б злоба врага доконала,
Был бы каждый трикратно убит.

Мокрая глина,
Солнца лоскут,
Здесь белофинны
Ввек не пройдут.

V[29]. «Запы́ленной» неверное ударение. Надо запылённый. «Смято прожектором облако пьяное» — откуда это в «Колыбельной»? Заря то стонет «золотой трясогузкой», то «вечер поет вам слова одичалые». Какая же была погода в тот вечер?[30]

Блеск виноватый,
Месяца лед,
Немец проклятый
Здесь не пройдет.

Засияют проспекты лучисто,
Шпиль высокий над башнями сам
Про победы веселых танкистов
Запоет золотым небесам:

Как воевали
В бурю и град,
Как на вокзале
Рвался снаряд,
Как приказали:
Ни шагу назад,
Как умирали
За Ленинград.

[29] Нумерация замечаний соответствует нумерации стихов у самой Прегель. Пропуски означают, что каких-то стихов Инбер не касалась.

[30] Замечания касаются стихотворения «Колыбельная», опубликованного в «Новоселье» (1943. № 4/5. Авг. С. 24–25) и впоследствии, как отмечалось выше, с некоторыми изменениями и снятым названием включенного Прегель в сборник «Берега»:

Словно рябина,
        рассыпала бусы я,
Круглые бусы
        рассыпала алые.
Самые русские,
        самые русые,
Вас на дорогах
        пустых потеряла я.

Синие ласточки,
        спрятаны хмарою,
Стали земле вы
        нетрудною ношею.
Это над вами
        прошамкала старая:
Спите, желанные,
        спите, хорошие.

VI. Терцы́ — неправильно. Надо те́рцы, от Терек. Совсем нельзя согласиться с 9-й строфой. Это не вхождение Красной армии в Берлин, а разбойничья шайка вломилась туда, «играя ножом», притягивая к себе такие же оголтелые шайки[31].

Пушки проходят
дорогой запыленной,
Смято прожектором
облако пьяное,
Но самолетов
полночные филины
Вас не разбудят
порою туманною,

Злобой нездешней
и лютой побороты,
Тихо лежите,
льняные и кроткие,
Вышита гладью
у самого ворота,
Кровью горит
рубашонка короткая;

Стонет заря
золотой трясогузкою,
Вечер поет вам
слова одичалые,
Смерть открывает
объятия узкие:
Самые русые,
самые русские,
Вас на дорогах
земных отыскала я.

[31] Речь идет о стихотворении «Кавалерийская» (Новоселье. 1943. № 1. Февр. — март. С. 16–17):

Вперед и вперед, принимаем удар мы
Всей силой, всей болью, всем жаром сердец.
Идут напролом молодцы командармы,
И рвет удила огневой жеребец!

Под клочьями серого снежного меха
Все голо, и гибло, и гулко кругом,
Но катится зычное круглое эхо,
Лихая погоня летит за врагом.

Вбирают пространства, глотают кордоны,
В ушах голубые звенят бубенцы:

Спасибо, казаки с высокого Дона,
Спасибо, кубанцы, спасибо, терцы.

Пусть кони кончаются в пене и мыле,
Бойца на понтоне упряма нога.
Река разольется, мы реку осилим,
Мы буйным напором возьмем берега.

Он кровью заплатит, змеиной и песьей,
За трупик ребенка, за каждый лоскут,
В чаду захлебнется его Чернолесье,
Соборы и башни во прах упадут.

И станет иссохшей, бесплодной пустыней,
Оглохнет от волчьих и злых голосов
Восточная Пруссия в рыжей щетине
Своих одичалых полей и лесов.

В Баварии нивы они не запашут,
Стада не разбудят душистой весной —
Она переполнилась, страшная чаша
Терпенья, и муки, и мести хмельной.

За все преступленья и черные беды
Последним лучом полыхнут провода,
И станет слепая Аллея Победы
Навеки, навеки Аллеей Стыда.

И выйдут бежавшие к нам от бесчестья,
Голодные выйдут, играя ножом,
И вместе для мести от дымных предместий
Мы гнусные стены Берлина зажжем.

Вокзалы, заводы, дома, вперемежку,
Их режет безжалостной смерти коса.
Вот тянутся серых столбов головешки
В пожаром пылающие небеса.

И лязгают шашки, и цокают кони,
И вечер за нами летает незрим,
И клонятся ветки: погоня, погоня…
И стонут: мы грудью тебя отстоим.

Ты видишь, тумана порвалась завеса,
Вдали замелькали дороги концы,
И скачут киргизы, и гонят черкесы,
И с посвистом мчатся лихие донцы.

VIII. Непонятна строфа о «ватной куртке и ветре России»[32].

IX. Слишком «спокойно» ползут Ваши санитарки. Ведь Вы сами пишете: «На смерть, на смерть идти должны»[33].

X. Размер слишком уж блоковский. «Смеялись кочегары в пылающем застенке». Плохо веришь в это[34].

XI. Все стихотворение очень хорошо. Быть может, только слишком много улыбок: паровоз, трубы, собачка скачет радостно. Ведь это возвращение туда, где «на заре полегли»[35].

Вперед и вперед, принимаем удар мы
Всей силой, всей болью, всем жаром сердец.
Идут напролом молодцы командармы,
И рвет удила огневой жеребец!

[32] В опубликованных стихах Прегель таких строчек нет; по-видимому, это была строфа то ли из стихотворения, оставшегося неопубликованным, то ли дописанная уже после публикации, хотя, о каком тексте идет речь, остается непонятным.

[33] Речь идет о заключительной части стихотворения «День войны» (Новоселье. 1942. № 5. Июнь — июль. С. 22):

Они ползут спокойно, по две —
До страшной дымовой стены.
На смерть, на смерть идти должны…

Обыкновенный русский подвиг,
Обыкновенный день войны.

[34] Имеется в виду стихотворение «Страна моя» (Новоселье. 1943. № 3. Май — июнь. С. 11; включено в сборник «Берега»).

[35] Стихотворение «Возвращение», напечатанное первоначально в «Новоселье» (1943. № 1. Февр. — март. С. 18), было перепечатано в парижской просоветской газете «Русские новости» (1947. № 127. 7 нояб. С. 4):

После долгого страшного дня
Прихожу, одинокий свидетель,
И улыбкою русские дети
На пороге встречают меня.

Улыбаясь, пыхтит паровоз,
Улыбаются дымные трубы,
В темных юбках старухи беззубой
Скачет радостно седенький пес.

Слышу топот, и трепет, и звон,
То степных колокольцев раздолье.
Всем, кто только берег это поле,
Отдаю покаянный поклон.

XII. Это не совсем Гурзуф. Скорее, Средняя Азия или Китай. Конец не вполне доходит[36].

XIII. Превосходное, очень сильное стихотворение[37].

XIV. Пика — холодное оружие. Она не может «ударить громом»[38].

Всем, кто здесь на земле полегли
В битве сумрачно-благословенной,
Покаянный, простой и смиренный
Я поклон отдаю до земли.

Нету чище родимой струи
И прозрачного снега теплее.
Умирать у тебя веселее,
Легче пуха покровы твои,

Тоньше свечек твои деревца,
Тише звезд обгорелые ели.
Вьюга русская золотом стелет…
Если жить, так с тобой до конца.

[36] Речь идет о стихотворении «Гурзуф», впервые появившемся в «Новоселье» (1942. № 3. Апр. С. 37), а затем включенном в книгу «Берега»:

В саду пылает утро. Ветви гнутся,
Смущенный лист зовет издалека,
Дрожит воды надтреснутое блюдце,
И я стою, не смея прикоснуться
К горячим стрелам сонного цветка.

Я слабости боюсь молочных лилий,
Написанных на выпуклом щите
Знакомых клумб. Я черных сухожилий
Боюсь на бело-розовом кусте

В саду густом, где запах нетревожен
Червонных роз, где, далека от бурь,
Звеня, скользит меж кипариса ножен
Высокая и вешняя лазурь.

[37] Прегельская тетрадка, переданная Инбер, не сохранилась, поэтому не представляется возможным сказать, какое из стихотворений вызвало положительную реакцию советской поэтессы.

[38] Инбер имеет в виду строчки «И ударит громом в их города / Лихая казачья пика» из стихотворения «В последний раз» (Новоселье. 1943. № 6. Окт. — нояб. С. 8).

XV. Интересно задумана «Эта Америка». В отличной 5-й строфе вызывает недоумение «липовый голубоватый пух». Пухом цветут только тополь и осина[39].

XVII. Хорошо.

XVIII. Здесь нарушены основные «песенные законы». Нельзя делать переносов из строки в строки <sic>. Не то получается «партизаны узловатые»[40].

Буду рада, если мои соображения покажутся Вам убедительными[41].

Судя по всему, сохранившийся черновик письма Инбер не полностью соответствовал его беловому варианту: так, в частности, Прегель в ответном письме реагирует на ее замечание о бескозырке из стихотворения «Черноморская» (см. далее), о чем в публикующейся версии упоминания нет.

В своем ответе, датированном 15 января 1945 г. и отпечатанном на почтовой бумаге журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street New York 23, N.Y.), Прегель следующим образом реагировала на замечания Инбер:

Уважаемая Вера Михайловна,

Ваше письмо меня искренно обрадовало и почти все Ваши замечания показались убедительными. С некоторыми только не совсем согласна. Например, «вороная» прядь, по-моему, лучше, чем «смоляная». В «смоляной» есть нечто липкое и слишком уж черное. Что касается бескозырки в «Черноморской», то это к Нахимову не относит-

---

[39] Имеется в виду следующее место из стихотворения «Эта Америка» (Новоселье. 1943. № 6. Окт. — нояб. С. 6–7; включено в сборник «Берега»):

Под удивительными парусами
Входим в предместий сухой полумрак,

В город медовый и набожно-чистый,
В липовом, голубоватом пуху.

В книжном варианте эти эпитеты сохранились.

[40] Речь идет о заключительном двустишии из стихотворения «Песня» (Новоселье. 1944. № 11. Апр. — май. С. 19–20):

Партизаны узловатые
Руки греют у костра.

[41] РГАЛИ. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–3.

ся. «Бескозырка» — настоящее!!![42] Так было задумано. Насчет те́рцев (ударение) знала, но мне это не казалось существенным. Считаю, что Вы правы. «Узловатые — руки…» в «Песне» меня раздражали, но потом привыкла к этим строчкам, и казалось даже неплохим, что стихи «спотыкаются». Когда писала о *спокойно* ползущих на смерть санитарках, считала, что и такое *спокойствие* бывает. В стихотворении «Эта Америка» *липовый голубоватый пух*, очевидно, не доходит. Это не «цветение». А в стихотворении «Гурзуф» есть оправдывающий его гурзуфский (пушкинский) мотив:

Там видением чистым
Волна чередою
За волною спешила в прибой…

[42] Стихотворение Прегель «Черноморская» (Новоселье. 1943. № 6. Окт. — нояб. С. 9) было построено на совмещении двух планов — исторического (Крымская война) и современного (или, как она выражается, «настоящего»):

За колонной текли колонны,
Выступали плечом в плечо,
Темный ветер на бастионе
Обволакивал горячо.

Кто по глине гранатой чиркал,
Кто кричал врагу: погоди!
Прядь седая под бескозыркой,
Нитка алая на груди.

Белый парус дождем согнуло,
Зов прибоя был бестолков,
Но стоял адмирал сутулый
Средь застуженных моряков.

Сам Нахимов стоял и руки
Простирал во тьме огневой,
Чтобы смертной не принял муки
Этот вечер полуживой,

Чтобы стены сумели драться,
Город сгинул ищи-свищи.
Он говорил нам: спасибо, братцы,
И вторило эхо: товарищи…

Улыбка же и *веселое*, вызывающие понятное недоумение, являются, я думаю, следствием повышенного оптимизма, который в силу целого ряда причин стал моим «климатом».

Все Ваши стихи я знаю и люблю. О «Пулковском меридиане» собираюсь написать[43]. Для меня Ваше мнение особенно ценно.

Пользуюсь случаем и посылаю еще несколько стихотворений[44]. Жму руку и от души благодарю за письмо.

Ваша

София Юльевна Прегель[45]

А что же брат главного редактора «Новоселья»? Существуют лишь частичные свидетельства о том, что оно издавалось на деньги баловня коммерческого успеха Бориса Юльевича Прегеля, и вряд ли имеются сколько-нибудь веские основания утверждать, будто бы главным, а тем более единственным финансовым источником данного журнального проекта являлись его удачные торговые сделки по торговле ураном. И тем не менее об одной из них имеет смысл упомянуть.

В 1943 г. Прегель продал партию урана (1000 pounds — чуть более 450 кг) Советскому Союзу. И хотя действовал он вполне легально, с ведома американского правительства и лично президента Т. Рузвельта, в 1949–1950 гг., в эпоху маккартизма и начинавшейся холодной войны, к Прегелю были предъявлены серьезные претензии со стороны соответствующих государственных ведомств и секретных служб. Масла в огонь подливало то обстоятельство, что Прегель родился в России, был натурализованным французом, прибывшим в США после начала Второй мировой войны, воспринимавшимся, конечно, как иностранец. Уже этого было достаточно, чтобы в отношении него возникло известное подозрение.

Разумеется, данная торговая сделка не имела и не могла иметь решающего значения в развитии советской атомной программы, однако сам по себе данный факт в новом политическом контексте приобрел весьма небезобидный смысл. Результатом этого стало судебное разбирательство и слушание дела в комиссии американского конгресса[46].

---

[43] Насколько нам известно, Прегель, вообще не склонная к рецензионному жанру, на поэму Инбер «Пулковский меридиан» (1942) в печати не отзывалась.

[44] К письму было приложено 12 отпечатанных на машинке стихотворений: «Днепровская весна», «Стихи о Пушкине», «Пиковая дама», «Наши дети», «Доктор», «Еврейский учитель», «Я знала, в туче ширится гроза…», «Чуфут-Кале», «В Пекине», «Инвалид», «Бретонская колыбельная», «Париж».

[45] РГАЛИ. Ф. 1072. Оп. 3. Д. 214. Л. 1.

[46] См., напр.: 1943 Uranium Sale to Russia Charged // New York Times. 1950. Jan. 25. № 33604. P. 11; Mining // Time: The Weekly Newsmagazine. 1950. 13 March. P. 31–32.

София Прегель — студентка Петроградской консерватории. *1916*

Слева направо, стоят: Б. Прегель, С. Брейнер (второй муж С. Прегель);
сидят: А. Прегель (жена Б. Прегеля), М. Цетлина, С. Прегель. *Париж. 1930-е гг.*

Б. Прегель. *Нью-Йорк. 1971*

Б. и А. Прегель в своей нью-йорской квартире. *1970-е гг.*

В итоге проведенного расследования было однозначно доказано, что Прегель не совершал никаких противоправных действий, тем более не приходилось говорить о государственной измене: все подозрения в пособничестве Советскому Союзу, если таковые и могли возникнуть, с него были сняты. Следует сказать, что в дальнейшем Прегель сделал блистательную карьеру на научной ниве: в конце 40-х гг. он стал вице-президентом (впоследствии — президентом) École Libre des Hautes Études — Свободной высшей школы научных исследований, которая возникла в Нью-Йорке в годы Второй мировой войны на основе французской и бельгийский диаспор — эмигрантов, бежавших от нацистов в США[47]; в 1958 г. — президентом Нью-Йорской академии, на следующий год — председателем академического попечительского совета, который возглавлял до 1965 г.; в 1966 г. — президентом американского отдела The World Academy of Art and Science и пробыл в этой должности до самой смерти (Прегеля не стало 7 декабря 1976 г.). Он представлял США на самых авторитетных международных конгрессах по атомной энергии и истории науки, которой профессионально занимался, и, судя по количеству премий, знаков отличия и наград, не просто пользовался полным политическим доверием, в том числе американских секретных служб, но и был человеком весьма влиятельным в научной и общественной жизни.

В 60-х гг. к фигуре Прегеля стала проявлять внимание и советская сторона. Точнее, не к ней самой, а к той информации, которой он должен был владеть. В Париж, куда Борис Юльевич зачастую — то ли по делам, то ли для встречи с сестрой — наезжал из Нью-Йорка[48], из Москвы отправлялся советский прозаик (политический романист), поэт, драматург, мемуарист Лев Вениаминович Никулин (Ольконицкий; 1891–1967), который в глазах писательской интеллигенции воспринимался в диапазоне от «сталинского холуя» [Довлатов, 2001, с. 75] до «стукача-надомника», как его окрестила молва. Детство и юность Никулина прошли в Одессе, где он был однокашником Прегеля по гимназии. В те одесские времена он зачастую появлялся в семье Прегель — факт, между прочим запечатленный в мемуарной прозе Софии Юльевны [см. об этом: Хазан, 2015, с. 429]. С детства в совершенстве владевший фран-

[47] С финансовой стороны École Libre des Hautes Études была поддержана Фондом Рокфеллера.

[48] Вплоть до осени 1974 г. Прегели имели в Париже свою квартиру. Ликвидируя ее, они отправили практически все имевшиеся книги в дар Национальной библиотеке Израиля, см. в письме Бориса Юльевича упоминавшемуся выше В.А. Залкинду от 14 октября 1974 г.: «Все книги (49 больших картонов в семи ящиках) мы послали в Bibliotheque Nationale et Universitaire в Иерусалим» (The State Archives of Israel (Jerusalem). V. Zalkind Coll. F. 994/13).

цузским языком, Никулин посещал Францию еще в довоенные времена, но именно в послевоенные годы эти поездки участились: страдавший болезнью почек знатный советский писатель получал разрешение на выезд для лечения во французском курортном городке Контрексвиле, славящемся своими минеральными источниками. Во Франции, где жили близкие родственники Никулина и куда он наезжал вместе со своей второй женой, актрисой Малого театра и кино Екатериной Ивановной Рогожиной, они нередко встречались с Прегелями — и Софией Юльевной, и Борисом Юльевичем.

Посещение Запада и встречи с бывшим однокашником в годы противостояния СССР и США не были, конечно, свободны от деликатных поручений советских спецслужб. Дочь Никулина Ольга Львовна в недавно изданной книге воспоминаний рассказывает о том, как, будучи в очередной раз во Франции и встретившись там с Прегелем, он как бы между делом поинтересовался, не входит ли в планы американцев нанести атомный удар по Советскому Союзу, на что тот только расхохотался: «Того, кто только пикнет на эту тему, растерзают! Мы, американцы, так хорошо живем и так этим дорожим…»[49]

Заметим (хотя прямого отношения это к поднятой теме не имеет), что Прегель был награжден высшей наградой Франции — орденом Почетного легиона и высшим по масонской шкале (он был масоном)[50] Мальтийским орденом. Будучи музыкально одаренным человеком, он писал музыку, в том числе на стихи своей сестры[51]. Впрочем, это уже другая история.

СОКРАЩЕНИЯ

АРКА (ARCA) — Американо-русская культурная ассоциация (American-Russian Cultural Association)

ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

BAR — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University, New York

[49] [Никулина, 2013, с. 127]; ср. то же во взятом у нее интервью: [Тарасов].

[50] См. справку о нем в: [Серков, 2001, с. 666].

[51] В одном из отчетов о вечере, посвященном пятилетней годовщине «Новоселья», отмечалось: «Отлично спела Татьяна Поберс арии из еще не опубликованной оперетты Вернон Дюк (Вл. Дукельского) и романс «Первопуток» Бориса Прегеля на слова С. Прегель…» (*М. Ж<елезнов>*. Вечер «Новоселья» // Новое русское слово. 1947. 19 марта. № 12743. С. 3).
Музыкальный альбом «Bliss Vanished Yesterday» (1947): стихи Софии Прегель на музыку Бориса Прегеля хранится в Library of Congress (Washington).

ЛИТЕРАТУРА

Бабель, 2007 — Бабель И. Письма другу: из архива И.Л. Лившица / сост., подгот. текста, коммент. Е.И. Погорельской. М., 2007.

Батшев, 2008 — Батшев В. Писатели русской эмиграции: Германия 1921–2008: (Материалы к биобиблиографическому словарю). Франкфурт-н/М, 2008.

Белоцветов, 2006 — Белоцветов Н. Дневник изгнания / изд. подгот. Ф. Поляков. Frankfurt a/M., 2006.

Грузенберг, 2013 — «Мне всегда тяжело дышать там, где меня неласково принимают»: О.О. Грузенберг / публ., вступ. ст. и примеч. В.И. Хазана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2013. С. 433–676 (по указ.).

Довлатов, 2001 — Довлатов С. Записные книжки. СПб., 2001.

Евтушенко — Женщина с правой рукой наготове: Софья Прегель (1897, Одесса — 1972, Париж): Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии» // URL: http://www.newizv.ru/culture/2007-08–31/75269-zhenshina-s-pravoj-rukoj-nagotove.html).

Зернова, 1994 — Зернова Р. Одесское детство: (Софья Юльевна Прегель) // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 3: 1939–1960 гг. / сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1994.

Канак, 1971 — Канак Е. Берлинский кружок поэтов (1928–1933) // Русская мысль. 1971. 25 марта. № 2835.

Канак, 1981 — Канак Е. Берлинский кружок поэтов (1928–33) // Русский альманах / <ред.:> З. Шаховская, Р. Герра, Е. Терновский. Париж, 1981. С. 363–366.

Канак, 1992 — Канак Е. Верность: Воспоминания, рассказы, очерки. Р., 1992.

КЛЭ, 1968 — Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968.

Куксин, 2012 — Куксин И. «Евгений Исаакович Рабинович»: (Русские евреи в Америке. Кн. 6 / ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2012.

ЛЭРЗ, 1997 — Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 1: Писатели русского зарубежья. М., 1997.

Никулина, 2013 — Никулина О. Лаврушинский, 17: Семейная хроника писательского дома. М., 2013.

Обатнина, 2001 — Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

Оцуп, 1932 — Оцуп Н. О поэзии и поэтах // Числа. 1932. № 6.

Письма, 2003 — Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции: 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова / сост. О.Ф. Кузнецова. М., 2003.

Померанцев, 1986 — Померанцев К. Сквозь смерть. L., 1986.

Прегель, 1966 — Прегель С. Весна в Париже. Париж, 1966.

Прегель, 1973 — Прегель С.Ю. Из воспоминаний о Бунине // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: <в 2 кн.> Кн. 2. М., 1973.

Прегель, 1973а — Прегель С. Мое детство. Т. 1. Р., 1973.

Прегель, 2000 — Прегель София. Письма П.Л. Вячеславову / публ. и примеч. Н. Рубашевой // Новый журнал. 2000. № 219.

Пустильник, 1999 — Пустильник Л. Генрих Манн — Софии Прегель: «Я о Вас много думаю…» // Новое русское слово. 1999. 27–28 марта.

Резникова, 2012 — Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2012.

Реувени, 1973 — Реувени Е. Памяти Софии Юльевны Прегель // Менора. Иерусалим. 1973. № 1. Янв.

Российское зарубежье во Франции — Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. Л. Мнухина [и др.] М., 2010.

Сводный каталог, 1999 — Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М., 1999. С. 132.

Серков, 2001 — Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001.

Слоним, 1973 — Слоним М. Последние стихи Софии Прегель // Новое русское слово. 1973. 29 июля. № 23056.

Тарасов — Тарасов А. Путешествие с литературным «титаником» URL: http://www.unesco.ru/ru/?module=news&action=view&id=254).

Флейшман, 1977 — Флейшман Л.С. Из комментариев к «Кукхе». Конкректор Обезвелволпала // Slavica Hierosolymitana. Vol. 1. Jerusalem, 1977. С. 185–193.

Хазан, 2004 — Из переписки В.А. Залкинда с Б.Ю. и А.Н. Прегель / вступ. ст., публ. и коммент. В. Хазана // Вестник Еврейского университета. № 9 (27). М.; Иерусалим, 2004. С. 367–384.

Хазан, 2008 — Хазан В. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: Опыт идентификации человека, который делал историю: в 2 т. Т. 2. Иерусалим; М., 2008.

Хазан, 2015 — Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным и П.Л. Вячеславовым / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 г.): Сб. докладов / сост. И.Ю. Белякова. М., 2015.

Ходасевич, 2002 — Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подгот. текста, указ. О.Р. Демидовой. М., 2002.

Bothwell, 1984 — Bothwell R. Eldorado: Canada's National Uranium Company. Toronto; Buffalo; L., 1984.

Burchard, 2001 — Burchard A. Klubs der russischen Dichter in Berlin 1920–1941: (Institutionen des literarischen Lebens im Exil). München, 2001 (по указ.).

Chronik, 1999 — Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / hrgb. von K. Schlögel [et al.] Berlin, 1999.

Iswolsky, 1946 — Iswolsky H. Russian Emigre Literature in World War II // Russian Review. 1946. Vol. 6. № 1 (Autumn).

Kowarski, 1948 — Kowarski L. Atomic Energy Developments in France // Nucleonics. 1948. № 2. May. P. 59–65.

Ledkovsky, 1994 — Dictionary of Russian Women Writers / ed. by M. Ledkovsky <et al.> Westport (Conn.); L., 1994.

Nabokov, 2014 — Nabokov V. Letters to Véra / transl. and ed. by O. Voronina and B. Boyd. Penguin Classics, 2014.

Rhodes, 1986 — Rhodes R. The Making of the Atomic Bomb. N.Y., 1986.

Urban, 2003 — Urban Th. Russische Schriftsteller im Berlin der zwanziger Jahre. Berlin, 2003. S. 212–225.

Weart, 1979 — Weart S. R. Scientists in Power. Cambridge (USA), 1979.